

№ $\frac{224}{164}$. $\frac{24 \text{ Августа.}}{18 \text{ Января 1727 г.}}$ По доношенію преосвященнаго Теофана о расколничь-емъ монахъ Арсеніи *).

Олонецкаго уѣзда Гавшезерскаго скита старецъ Арсеній 6 Августа явившійся въ Петербургскій домъ преосвященнаго Теофана, подалъ ему прошеніе, въ которомъ объявлялъ: въ 1701 году, до начала Свейской войны, въ качествѣ новгородскаго купца отправился онъ въ «городъ Стекольмъ» (Стокгольмъ) съ товарами и съ четырнадцатью человекъ товарищей, отчасти новгородцевъ, посадскихъ людей, отчасти ладожскихъ жителей; тамъ, отобравъ у нихъ деньги и товары на Королевское Высочество, всѣхъ ихъ послали въ Ельценфорцъ (Гельсенгфорсъ) и посадили подъ арестъ. Помощію Божіею узникамъ удалось бѣжать; но это несчастіе такъ на всѣхъ ихъ подѣйствовало, что многіе изъ нихъ дали обѣтъ воспріять монашескій чинъ. Самъ Арсеній отправился

*) См. Полн. Собр. Постан. т. V, стр. 436.

для постриженія въ Соловецкій монастырь, но на пути остановился въ Гавшезерскомъ скитѣ, гдѣ іеромонахомъ Соловецкаго монастыря Пафнугіемъ и постриженъ въ монахи, и тамъ трудился своими трудами, отъ чего и пищу себѣ имѣлъ. Но скоро онъ усмотрѣлъ въ томъ скитѣ великое безчинство: оказалось, что скитъ состоялъ подъ вѣдѣніемъ церковныхъ противниковъ: Данилы Викулина и Андрея Денисова съ товарищи, которые велятъ праотечества своего обычаи хранить: принимать второе крещеніе отъ непосвященныхъ простцовъ, самовольно сожигаться въ огнѣ; и многіе богомерзкимъ наученіемъ ихъ второе крещеніе приняли и въ огнѣ горѣли. Усмотрѣвъ таковое безчинство, прояситель рѣшился обратиться къ преосвященному Теофану съ просьбой опредѣлить его въ общежителство какого-либо монастыря его епархіи. Преосвященный Теофанъ представилъ прошеніе Арсенія въ Синодъ, при доношеніи, въ которомъ между прочимъ выражалъ подозрѣніе, что оный Арсеній — раскольникъ, «понеже въ скиту ономъ жилъ долго»; хотя самъ себя раскольниковъ онъ не показалъ, но и обращенія своего къ церкви не исповѣдуетъ. Къ этому преосвященный присовокупилъ, что на другой день послѣ подачи прошенія, находясь во дворѣ его дома, Арсеній въ самую полночь сталъ нестово кричать, и когда по распоряженію его, преосвященнаго, Арсенія ввели въ избу, то въ присутствіи его, преосвященнаго, онъ сталъ метаться и перестанное раскольническое сложеніе называлъ мечемъ обоюдоострымъ, а обычное церковное уничтоживалъ, и говорилъ, что была вѣра старыхъ царей, и настала вѣра новыхъ царей, и полагая голову свою къ столу, какъ бы къ плахѣ, кричалъ: руби меня, отруби голову; ясно было, что былъ шумень, но языкъ имѣлъ свободный. При этомъ преосвященный представилъ: а) отобранные у Арсенія бумаги, въ которыхъ преосвященный видѣлъ доказательство того, что Арсеній не только раскольникъ, но и былъ изъ числа духовныхъ управителей раскольниковъ Гавшезерскаго скита, и б) показанія Арсенія на сдѣланномъ ему по распоряженію его, преосвященнаго, допросѣ. Показанія

Арсенія и его бумаги составляютъ весьма цѣнный матеріалъ для исторіи внутренняго быта Выговской раскольниковъ общины и отношеній раскольниковъ такъ называемыхъ скитовъ, къ Выговскому монастырю. Изъ показаній Арсенія видно, что отъ роду ему было шестьдесятъ одинъ годъ; званіемъ онъ и отецъ его были «старинные домовые его преосвященства, Новгородскаго архіерея, бобыли». Крещенъ онъ былъ въ православной церкви Николая Чудотворца, въ Новгородѣ, и обученъ грамотѣ у приходскаго дьячка. Въ Гавшезерскомъ скиту братіи было: монаховъ десять, старицъ двадцать четыре; бѣльцовъ: мужиковъ — сорокъ четыре, женокъ и дѣвокъ бѣлицъ — сорокъ четыре, всего — сто двадцать два человѣка, всѣ раскольники. Наставникомъ у нихъ состоялъ «монахъ» Θεодосій, иконникъ, а главные учителя были обрѣтающіеся въ Даниловѣ монастырѣ (въ сорока верстахъ отъ Гавшезерскаго скита) Данила Викулинъ и Андрей Денисовъ, а подъ ними монахъ Варлаамъ Быковъ, уроженецъ Каргополя, посадскій человѣкъ, олончанинъ Захарія Пуловъ, Новгородецъ Симонъ Іевлевъ, нековитянинъ Ипать Ефремовъ. Его Императорскаго Величества враговъ, онъ, Арсеній, не знаетъ. Его, Арсенія, въ скитѣ вторично крестили и сожигаться убѣждали. Бѣлозерскаго монаха Мануила, къ нимъ пришедшаго, монашества лишили, называя то (православное) монашество еретическимъ, и сдѣлали у себя его простымъ мужикомъ; женокъ и дѣвокъ перекрещивая и воспринимая отъ купели вмѣсто духовныхъ отцовъ, Гавшезерскіе монахи берутъ къ себѣ въ келліи и, живя съ ними, блудодѣйствуютъ. Наставникъ Θεодосій живетъ въ одной кельѣ съ женой Агаѳеѣй пятнадцать лѣтъ, а старшіе учителя, вѣдая о томъ его блудодѣйствѣ, ихъ не разводять. Оставилъ скитъ Арсеній въ слѣдствіе ссоры съ жителемъ скита, Феодоромъ Мироновымъ, который изгналъ его изъ часовни и отставилъ отъ церковнаго пѣнія; придя на заводы, и получивъ отъ ландрата Муравьева указъ о слѣдованіи той обиды, Арсеній побоялся возвратиться въ скитъ, гдѣ его какъ онъ думалъ, убили бы, и отправился въ новую Ладогу, гдѣ недѣли двѣ

жилъ въ домѣ посадекаго Петра новаго. Затѣмъ Арсеній былъ въ Новгородѣ и проживалъ у посадекихъ людей, своихъ родственниковъ. Оттуда прибылъ въ Петербургъ на баркѣ, везшей въ Петербургъ Государеву плиту, — на этой баркѣ и жилъ до подачи прошенія преосвященному Теофану. Въ дополнительномъ показаніи Арсеній описалъ находившееся въ часовнѣ Гавшезерскаго скита: образъ Тихвинской Божіей Матери, копія съ подлинника, изготовленная самимъ настоятелемъ скита, Θεодосіемъ, за пятьдесятъ рублей, съ украшеніями на сто пятьдесятъ рублей; образъ Николая Чудотворца, украшенный золотомъ и серебромъ на средства Михаила Сердюкова, который снабдилъ скитъ и книгами — соборникомъ, требникомъ, Златоуста сочиненіями, Кормчею, бесѣдами апостольскими; новгородецъ Семень Тимоѣевъ Кашкинъ пожертвовалъ «установъ большой». Двѣ псалтири слѣдованныя, два евангелія на престольныхъ, два апостола, двѣ тріоди, два октая, два пролога, евангеліе толковое, двѣнадцать миней мѣсячныхъ, общая минея большая, требникъ большой, книга Ефрема Сирина, Маргаритъ, канонникъ, псалтирь малая, книга Максима Грека, видѣніе Григорія мниха, — всѣ эти книги дала владомъ старца Анфиса, москвитянка, жившая въ скитѣ лѣтъ пятнадцать, постриженная Пафнутиемъ въ монахини. Кромѣ того — образа: Одигитрія, Успенія, Смоленскія Божія Матери и Знаменія, да образъ Николая угодника — въ серебрянныхъ окладахъ съ гривенками, пожертвованы олонецкимъ крестьяниномъ Нифонтомъ. Бумаги найдены у Арсенія слѣдующія: паспортъ изъ канцеляріи ландрата Муравьева на имя раскольника Верховскаго скита Θεодора Иванова — для проѣзда до Новгорода и С.-Петербурга; указъ отъ 30 Іюня 1725 года за рукою ландрата Муравьева Андрею Денисову, Минѣ Константинову и старостѣ Кириллу, по челобитію Верховскаго скита Гавшезерскаго старца Арсенія на Θεодора Ларіонова въ отлучкѣ его, старца, отъ соборнаго пѣнія и отъ сборной казны, — при указѣ и копія съ просительнаго доношенія; записка, въ которой нѣкій Никита Татарникъ обвиняется въ вражѣ котла, косы и лошади, упоми-

нается о разбоѣ старца Сергія и о другихъ такихъ же не потребностяхъ. Изъ остальныхъ бумагъ Арсенія заслуживаютъ вниманія: 1) жалоба Арсенія на Θεодора Миронова настоятелямъ Выгорѣцкаго монастыря; 2) инструкция Арсенію отъ суземскаго выборнаго Θεодора Ларіонова, и 3) мировое письмо Арсенія и Θεодора Миронова. Приводимъ полный текстъ этихъ документовъ. 1) «Господину Данилѣ Вивуличу, и господину Андрею Денисьевичу, и господину старостѣ Кирилѣ Ивановичу, и всему честному собору, Гавшезерскаго скита Николы Чудотворца старецъ Арсеній бью челомъ вашей милости того же скита на жителя Θεодора Миронова, въ томъ, что подана у меня на него Θεодора вашей милости челобитная 1723 года Ноября въ 2 день, о чемъ — въ ней объявляетъ, и по той челобитной допрашивалъ его Θεодора староста Ипатъ Ефремовъ, и онъ Θεодоръ по святѣй непорочной евангельской заповѣди во всемъ заперся, и я подалъ на него другую челобитную 1724 года Октября въ 24 день, господину старостѣ Θεодору Ларіонову съ товарищи, о чемъ — въ челобитной объявляетъ, и онъ староста его Θεодора во всемъ допрашивалъ, и онъ, Θεодоръ, вѣдаючи свое воровство, на челобитной и на распросѣ не ожидая дѣлу рѣшенія, во всемъ мнѣ старцу повинился и добилъ челомъ, и по упрошенію добрыхъ людей, отца Θεодосія и Наума Θεодоровича, Василия Ероѣева, Авдея Волкова, и прочихъ, слезъ ихъ ради, во всемъ его безчестіи и убыткѣ я простилъ, а въ иску воленъ государь, и о томъ у насъ написано общее договорное мирное письмо промежь собою, и руки приложены, что мнѣ старцу на него (иска?) не вчинать, а ему Θεодору не отыскивать, что въ томъ письмѣ написано, стоять твердо, и я противу своей руки крѣпокъ, гдѣ рука, тутъ и голова, и онъ Θεодоръ противъ своей руки и мирнаго договора не постоялъ, отъ пѣнія мене грѣшнаго старца отлучилъ, а прочихъ всѣхъ христіанъ нынѣшняго 1725 года января со втораго на десять отъ крещенія Господа Бога и Спаса нашего Ісуса Христа и по се число въ никакую часовню насъ не пускаетъ, и не звонитъ, а самъ краде-

ные молебны поеть, и собирается безъ звона, и нынѣ онъ Ѳеодоръ ложнымъ своимъ челобитьемъ... *) ѳздилъ на Петровскіе заводы, и объявлялъ г-ну ландрату и ложно билъ челомъ и дѣло вчинилъ, а противу мирнаго писема не постоялъ. Прошу вашей милости Давида Викуличъ, Андрей Денисьевичъ и Кирилъ Ивановичъ, и весь честный соборъ, за его неустойку прикажите мнѣ взять убытки и волокиты, что я волочуся за симъ дѣломъ третій годъ, а убытки мнѣ стали сто рублевъ, да что мнѣ послалъ братецъ Гаврила Яковлевичъ Тетюхинъ по бывшемъ старцѣ Александрѣ, по его Ѳеодора братьей послалъ пятнадцать годовъ, да триста рублевъ, которые объявилъ Ѳеодосій отецъ, а въ вопросахъ говорилъ (Ѳеодоръ?) Великая Государыня не раторитца (?), въ томъ онъ Ѳеодоръ псу и повинную принесъ. Прикажите его взять и въ крѣпкі держать, сковавши до вашего честнаго розыску, чтобы ему быть на лицо, когда спросятъ его на заводы, понеже за собою имѣеть великую казну. Смилуйтесь, пожалуйста!»

2) Мирное письмо. «1724 года Октября въ 24-й день, выгорѣцкаго суземга старостѣ Ѳеодору Ларіонову подавалъ доношеніе Верховскаго скита Гавшезерскій житель старецъ Арсеній, того же скита на Ѳеодора Миронова въ отлученіи меня, старца, отъ соборнаго пѣнія, и во владѣніи собранною казною Николѣ Чудотворцу въ часовнѣ святыхъ иконъ и колоколовъ и книгъ и прочею утварію часовенною, и въ пріемѣ въ ту часовню подавнія отъ православныхъ Христіанъ. И по тому моему доношенію онъ староста его, Ѳеодора, допрашивалъ, и не ожидая тому рѣшенія, онъ, Ѳеодоръ, мнѣ старцу добилъ челомъ, и по прошенію старца Ѳеодосія и добрыхъ людей я, старецъ, его Ѳеодора простилъ, на томъ, что впредь тою часовнею владѣть и святыми иконами и прочею часовенною утварію владѣть старцу Ѳеодосію съ братією вообще, а книгъ сколько онъ старецъ благословить, а колокола поданіе старца Александра, а въ сборѣ казны вѣдать старостѣ, кто будетъ выбранъ, а когда будетъ отъ хриестолюбцевъ

*) Здѣсь одно слово не разобрано.

послано сколько денегъ въ часовню, и то принимать ему же старостѣ, а которые деньги будутъ посланы на подѣлъ, и тѣ принимать старцу Ѳеодосію, и объявлять и подѣлять. А сбиратися на соборное пѣніе всемъ лѣтомъ въ теплую пору въ часовню на горѣ, а зимою сбиратися на пѣніе когда будетъ звонъ, въ келію на низу, которая строеніе старца Александра. А безъ звону соборнаго пѣнія въ келіи не творить, а во владѣніи быть ей у него Ѳеодора Миронова съ сестрами. А отъ соборнаго пѣнія кто будетъ долженъ отлученія, отлучать по Божественнымъ правиламъ общимъ приговоромъ всехъ старцевъ и духовныхъ мужей, а не безвинно, и о томъ вышеозначенномъ дѣлѣ мнѣ старцу Арсенію на него Ѳеодора челобитья не вчинять, а мнѣ, Ѳеодору, не отъискивать. На подлинномъ писемѣ поднесъ: старецъ Арсеній руку приложилъ. Въмѣсто Ѳеодора Миронова по его велѣнію Титъ Евсеевъ руку приложилъ.

3) Наказъ старцу Арсенію. «Гавшезерскаго скита старцу Арсенію имѣть надсмотръ, чтобы въ томъ скитѣ старцы и старицы и бѣльцы жили по преданію святыхъ отецъ и по пустыннымъ обычаямъ, постовъ бы не разрѣшали, а въ разрѣшеніе дни дважды, а не трижды яли, и между трапезами не яли бѣ. И въ келіяхъ безпреградно съ женскимъ поломъ не жили, и съ зазорными лицами сожитія бы не имѣли, и юншіи въ келіи, въ коняхъ такожде есть женскій полъ, не ходили бы, и въ лѣсъ бы съ женскимъ поломъ самъ другъ не ходили бѣ. И о всякомъ благочиніи пустынномъ надзирать, а безчинныхъ съ выборными по приговорамъ старшихъ наказывать, а на противящихся ко мнѣ старостѣ писать. Староста Ѳеодоръ Ларіоновъ».

24 Августа Святѣйшій Синодъ опредѣлилъ: онаго, къ расколу подозрительнаго, монаха, сверхъ присланнаго отъ преосвященнаго Ѳеофана допроса, накі въ Синодальной Канцеляріи допросить обстоятельно, и выписавъ къ тому приличные указы, предложить къ синодальному разсмотрѣнію. На этомъ второмъ допросѣ Арсеній сообщилъ нѣкоторыя новыя подробности о себѣ лично и о раскольникахъ, среди кото-

рыхъ жилъ шесть лѣтъ бѣльцемъ подь своимъ мірскимъ именемъ (Алексеѣй Иларіоновъ) и лѣтъ пятнадцать монахомъ подь именемъ Арсенія. По смерти своего отца онъ матерью отданъ былъ въ наученіе грамотѣ, часослову и псалтыри дячку Макарію Потанову, потомъ жилъ у дяди своего въ Новгородѣ, у купецкаго человѣка Семена Васильева Жудева, и по его порученію ѣздилъ съ товарами въ Столгольмъ. Поселившись въ раскольникъемъ скитѣ, имѣлъ своимъ духовникомъ простаго монаха Игнатія и причащался трижды сухими оныхъ раскольниковъ занасными дарами, — гдѣ они емлютъ то причастіе, онъ не знаетъ; на господніе праздники раскольники некутъ просвиры съ осмиконечнымъ крестомъ и раздають черницамъ и бѣльцамъ по отиѣтін часовъ и молебновъ. Воспользовался онъ паспортномъ бѣльца Федора Иванова потому, что ландратъ Муравьевъ ему, Арсенію, на его имя паспорта не далъ, такъ какъ такого указа, чтобы монахамъ Выговскимъ давать паспорта ему не было, а велѣно давать паспорта лишь бѣльцамъ для отъѣзда ихъ въ города для торговъ и промысловъ. Бранился и буйствовалъ онъ, Арсеній, въ домѣ преосвященнаго Теофана потому, что былъ пьянъ — служащіе въ архіерейскомъ домѣ монахи напоили — въ чемъ просить прощенія. Святѣйшій Синодъ 11 Ноября опредѣлилъ: допросивъ Арсенія о его родственныхникахъ — Новгородцахъ, не раскольники ли (Арсеній показалъ, что они православные) и не знаетъ ли онъ чего-нибудь еще о расколѣ, по силѣ правилъ Петра Александрійскаго, Арсенія въ Православіе по желанію его принять, повѣдать и послѣ публичнаго проклятія имъ всѣхъ раскольниковскихъ ересей въ Троицкой Церкви въ воскресный день, причастить его Святыхъ Таинъ, и затѣмъ отпустить его для пребыванія въ братствѣ въ Соловецкій монастырь, давъ прогони на одну подводу изъ синодальной казны и одного изъ синодальныхъ солдатъ до Вологды; отъ Вологды до Устюга, отъ Устюга до Холмогоръ, отъ Холмогоръ до Соловковъ давать ему провожатыхъ по одному человѣку и въ дорожномъ пути хранить его отъ всѣхъ обидъ. Но прежде,

чѣмъ приведено было въ исполненіе это опредѣленіе Синода, Арсеній еще разъ набуянилъ въ Канцеляріи Синода. Бывъ отпущенъ съ караульнымъ солдатомъ въ воскресный день къ литургіи въ церковь Воскресенія Христова и для прошенія милостыни, онъ вмѣстѣ съ солдатомъ зашелъ во дворъ свѣтлѣйшаго князя Меншикова. Здѣсь маршалокъ дома далъ ему хлѣба и рыбы, а незнаемые люди отвели его на погребъ и поднесли водки (которой Арсеній выпилъ три рюмки), да особо бутылку водки жъ, которую по дорогѣ роспили солдаты. Захмѣлѣвъ и придя въ помѣщеніе свое въ Синодальной Канцеляріи, Арсеній сталъ кричать караулъ и ругать всѣхъ матерно, лежа не обычно. Дневальный канцеляристъ донесъ о томъ преосвященному Афанасію, который произвелъ дознаніе. Оказалось, что позволенія отлучаться въ церковь и для прошенія милостыни Арсенію дано не было. Святѣйшій Синодъ 13 Генваря 1727 г., выслушавъ допросныя рѣчи обрѣтающихся при Синодальной Канцеляріи солдатъ, Елизара Симонова и Алексея Керова, капитана Егора Петрова и правящаго за канрала Семена Назарова, о выпусканіи монаха Арсенія по ихъ солдатскому самоволію въ ненадлежащія мѣста, опредѣлилъ: Елизара Симонова и Алексея Керова смирить плетми нещадно, дабы впредь другимъ чинить то было неповадно, а монаха, по прежнему опредѣленію, отправить немедленно, и до хмѣльнаго питья отнюдь не допускать. Затѣмъ въ дѣлѣ слѣдуетъ клятвенное отреченіе Арсенія отъ ересей, весьма обширное, однородное съ отреченіемъ попа Никифора Львова (Опис. док. и дѣлъ Святѣйшаго Синода т. II, ч. II, 1722 г., прил. стр. XLVIII) съ измѣненіями приспособительно къ особенностямъ біографіи Арсенія и къ особенностямъ Поморскаго раскола. 18 Генваря 1727 г. Арсеній подалъ въ Синодъ доношеніе, въ которомъ, сообщая, что обратившись отъ раскола и приобщившись Святыхъ Таинъ 14 Генваря въ Троицкомъ Соборѣ, причемъ присягалъ совѣстно, онъ желаетъ быть въ Троицкомъ Сергіевомъ монастырѣ въ братствѣ до скончанія жизни своей, о чемъ и просить всепокорственно

милостивое рѣшеніе учинить. Святѣйшій Синодъ того же 18 Генваря опредѣлилъ: опредѣлить Арсенія въ Троицкій монастырь, въ которомъ и жить ему по смерть свою неусходно, и о томъ того Троицкаго монастыря къ архимандриту Варлааму съ братією послать указъ; а его, Арсенія, для надлежащаго въ тотъ монастырь отпращиванія, отдать обрѣтающемуся въ С.-Петербургѣ того Троицко-Сергіева монастыря страпчому Петру Никитину съ роспискою неукоснительно. Дѣло оканчивается роспискою Никитина въ пріемѣ Арсенія для доставки въ Троицко-Сергіевъ монастырь.